

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРОВ «WALL STREET JOURNAL» И AMAZON.COM

УИНТЕР РЕНШОУ

**НИКОГДА
НЕ ВЛЮБЛЯЙСЯ
В НЕЗНАКОМЦА**

P.S. I Miss You

Я ПО ТЕБЕ СКУЧАЮ

18+

Уинтер Реншоу
P.S. I Miss You. Я
по тебе скучаю
Серия «Freedom. Чувственная
проза Уинтер Реншоу»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55138171

P.S. I Miss You. Я по тебе скучаю:

ISBN 978-5-04-111544-9

Аннотация

От автора бестселлеров «Wall Street Journal» и Amazon.com
Дорогая Мелроуз!

Когда я впервые встретил тебя, ты была просто незнакомой девушкой. Потом ты стала моей соседкой. А чуть позже дала понять, что станешь для меня самой большой занозой в боку, какую я когда-либо мог словить.

Ты слишком громко пела в душевой и тратила на себя всю горячую воду.

Ты была чертовски напориста.

Ты делала мою жизнь сложной во всех отношениях.

Но, как бы я ни пытался, я не могу перестать думать о тебе.

Сказать по правде... я не могу перестать желать тебя.

Я собирался сказать тебе это.

Собирался отринуть свою гордость, все недомолвки и показать тебе ту часть моего «я», которую прежде не видел никто.

Но потом было признание, меняющее всё, взрыв такой силы, что я не смог ничего изменить.

Я до сих пор не понимаю, как я не предвидел этого.

Саттер

P.S. Я по тебе скучаю.

Содержание

Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	23
Глава 3	33
Глава 4	38
Глава 5	43
Глава 6	56
Глава 7	65
Глава 8	72
Глава 9	75
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Уинтер Реншоу P.S. I Miss You. Я по тебе скучаю

Она была не для каждого, она была для меня.
АТТИКУС

© Авдоница М.В., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Пролог

Дорогая Мелроуз!

Когда я впервые встретил тебя, ты была просто незнакомой девушкой. Потом ты стала моей соседкой. А чуть позже дала понять, что станешь для меня самой большой занозой в боку, какую я когда-либо мог словить.

Ты слишком громко пела в душевой и тратила на себя всю горячую воду.

Ты была чертовски напориста.

Ты делала мою жизнь сложной во всех отношениях.

Но, как бы я ни пытался, я не могу перестать думать о тебе.

Сказать по правде... я не могу перестать желать тебя.

Я собирался сказать тебе это. Собирался отринуть свою гордость, все недомолвки и показать тебе ту часть моего «я», которую прежде не видел никто... Но потом было признание, которое словно взрыв все уничтожило.

Я до сих пор не понимаю, как я не предвидел этого.

Саттер

P.S. Я по тебе скучаю.

Глава 1

Мелроуз

Я играла девушку, выгуливающую собак, в одной из серий «Уилла и Грейс».

Хозяйку кондитерской в каком-то фильме для канала «Lifetime».

Младшую сестру Райана Гослинга в инди-короткометражке, которая так и не вышла на экраны.

Жертву № 2 в одной из серий восемнадцатого сезона «Закона и порядка».

Но сегодня у меня самая сложная роль из всех: в реалити-шоу без камеры, именуемом «Девушка, всю жизнь обожает своего лучшего друга», Мелроуз Клейборн в роли... Мелроуз Клейборн.

Остановившись перед бунгало Ника Кэмдена в Студио-Сити, я расправляю плечи, приглаживаю свои белокурые волосы и нажимаю указательным пальцем на кнопку звонка. Сердце колотится с такой силой, что мне кажется, будто оно выпадет и рухнет на пол, едва Ник откроет дверь – но я надеюсь, что бабочки, трепещущие в моем животе, успеют перехватить падающее сердце.

Он оказывает на меня такой эффект.

Каждый. Чертов. Раз.

И это о многом говорит, потому что меня не так-то легко заставить нервничать или выбить из колеи. Но мое чувство к нему с годами только крепло и, оставаясь безответным, становилось все сильнее.

Но вчера вечером, ни с того ни с сего, Ник позвонил мне – и это странно, потому что он никогда не звонит, только пишет сообщения. Он настолько не любит телефонные звонки, что на его телефоне постоянно включена вибрация, и его автоответчик переполнен голосовыми сообщениями за шесть с половиной лет.

– Мел, мне нужно поговорить с тобой завтра, – сказал он едва ли не с волнением. Но в его голосе слышался намек на улыбку, на странное веселье. – Это очень важно.

– Ник, ты пугаешь меня, – ответила я ему, гадая, не подбросил ли кто-нибудь ему в выпивку какой-нибудь наркотик, отчего Ник сейчас не в себе. – Просто скажи, раз уж позвонил.

– Я должен сказать тебе это лично. И должен спросить у тебя кое-что дико важное, – сказал он. – О боже, это просто безумие. Я невероятно нервничаю, Мел. Но я скажу тебе сразу же, как только ты приедешь сюда завтра. Я уже давно хотел тебе об этом сказать, но не мог. Не мог до сего момента. Но теперь могу. И я не могу больше ждать. Это важно, Мел. Это... о боже.

– Ник... – Я расхаживала по своей спальне, прижав левую руку ко лбу. За все время нашей дружбы – почти двадцать

лет – я никогда не слышала, чтобы Ник был так взволнован. – Ты не можешь просто сказать мне сейчас?

– Приходи завтра, часа в три, – ответил он. – Об этом нужно беседовать лично.

Я еще раз звоню в дверь, потом проверяю время на телефоне. Подавив зевок, я поднимаюсь на цыпочки и пытаюсь заглянуть внутрь сквозь стеклянные боковые панели двери. Зная Ника, я могу предположить, что он передумал или выскочил за буррито, встретил кого-нибудь знакомого и увлекся разговором.

Но, с другой стороны... он так настаивал на том, что должен лично поговорить со мной в три часа об этой «дико важной» вещи. Вряд ли он мог о таком забыть.

Всю ночь я вертелась в постели, пытаюсь догадаться, что это могло бы быть. Странно, как можно знать человека настолько долго и при этом самым прискорбным образом не понимать его.

Во времена моего детства Ник жил по соседству, и мы с ним были неразлучны с того дня, как его семья переехала в наш район. Я познакомилась с ним у ручья, где он ловил лягушек – и я едва ли не силой заставила его отпустить их на волю. К вечеру мы сообразили, что его комната расположена на втором этаже – и моя тоже, только в нашем доме, так что можно подавать сигналы через окно. А к концу недели он подарил мне портативную рацию и сказал, что я его лучший друг.

Когда нам было по десять лет, он преподнес мне «подвеску дружбы» – вроде тех, которые девочки обычно дарят другим девочкам. Он отдал мне половинку с надписью «лучший», а сам носил ту, на которой было написано «друг», но всегда прятал ее под рубашкой, чтобы никто не распускал сплетни – впрочем, кто-то стал бы их распускать.

Ника любили все.

Летом, после окончания седьмого класса, Ник резко повзрослел, и все изменилось.

Его голос стал ниже.

Его ноги сделались длиннее.

Даже черты его лица стали более четкими и выразительными.

Он словно вырос за пару месяцев, и я поняла, что смотрю на него так, как не смотрела никогда прежде. А когда ночью закрыла глаза, то обнаружила, что думаю о том, каково было бы целоваться с ним.

До того я могла прибежать в соседний двор с неаккуратно собранными в хвост волосами и спросить, не хочет ли Ник покататься на велосипеде... и буквально на следующий день я уже стала тщательно причесывать волосы и наносить на губы мятный бальзам перед каждой встречей с ним.

Я вдруг поняла, что не могу смотреть на него, не краснея при этом.

К несчастью, стремительное преображение Ника заметила не только я.

Дверь распаивается с коротким скрипом, и я даже не успеваю осознать, что происходит, когда Ник сгребает меня в охапку и кружит по крыльцу своего съемного бунгало.

– Мелли! – Он утыкается лицом мне в плечо и сжимает меня так сильно, что я не могу дышать, а бабочки у меня в животе едва не превращаются в кашу.

Я вдыхаю неизменный запах Ника, тот самый запах, который всегда вызывал у меня ощущение дома. Что-то похожее на едва заметный след табачного дыма, дешевого кондиционера для ткани и мыла «Irish Spring».

Ник вырос в Brentwude, он был сыном успешной сценаристки и не менее успешного композитора и мог бы без труда получить все – как в материальном, так и в профессиональном плане. Связи его родителей могли бы посрамить самого Стивена Спилберга.

Но Ник всегда желал быть обычным человеком, самостоятельно зарабатывающим на жизнь, и я уважала его за это.

– Ты только глянь на себя, – говорит он, ставя меня на землю. Он продолжает держать меня за руки, окидывая меня с головы до ног взглядом своих невероятных синих глаз. – Я уже несколько месяцев тебя не видел.

Три месяца, две недели и пять дней – но кто будет считать?

В прошлый раз мы встречались на моем дне рождения, и у барной стойки было столько народа, что я за весь вечер едва смогла обменяться с ним парой фраз. Мы договорились

погулять с ним в следующие выходные после того дня, но его группа умчалась выступать в Вегас, а за день до его возвращения я уехала в Ванкувер на съемки фильма.

Это было какое-то вечное невезение: жизнь постоянно разводила нас в разные стороны в самое неподходящее время.

– Как тебе нравится это жилище? – спрашивает он, ведя меня в дом. Мои легкие наполняет запах моющего средства и стирального порошка, через спинку кожаного кресла в гостиной перекинут сложенный плед.

Я хмыкаю при мысли о том, что Ник перед моим приходом занимался уборкой. В юные годы он всегда был неряхой. Хотите пример? Как-то раз я споткнулась о его кроссовки, входя в его спальню, и едва не выбила себе передний зуб, падая на неаккуратную стопку виниловых пластинок. К счастью, мое падение смягчил пустой чехол от его гитары, но на следующий день Ник купил подставку для обуви.

– Нравится, – отвечаю я, осматривая его бунгало. В прошлый раз, когда я видела его, он жил в какой-то квартире в Толука-Лейк с четырьмя соседями. А до того сожительствовал с какой-то инстаграм-моделью по имени Кейденс Сент-Килда, но эти отношения оказались короткими, поскольку девушка желала заполучить его целиком и полностью, а этого Ник не мог дать никому – и я знала об этом. – Когда ты переехал сюда?

– В прошлом месяце, – отвечает он. – Взял в субаренду у

кузена нашего барабанщика.

Звяканье кастрюль и сковородок на кухне свидетельствует о том, что мы не одни, но меня это не удивляет. У Ника всегда были соседи. Он отчаянный экстраверт. Он не может оставаться один дольше, чем на пять минут, но в этом нет ни назойливости, ни навязчивости. Скорее это проявление некой харизмы, вечной жизни на вечеринке и готовности хорошо провести время.

Я вслед за Ником прохожу в гостиную, и он указывает мне на центральную подушку кожаного дивана коньячного цвета. Потом начинает расхаживать по небольшой комнате, энергично потирая ладони.

– Ник, – со смехом говорю я, – ты ведешь себя как сумасшедший... ты это знаешь, да?

Его взгляд останавливается на мне, он на несколько секунд прекращает расхаживать.

– Я адски нервничаю.

– Тебе не нужно нервничать, когда ты рядом со мной. Никогда.

– Это другое. – Он снова останавливается на пару секунд. – Это то, о чем я никогда прежде тебе не говорил.

«О боже».

Мое сердце трепещет, и некая давно погребенная надежда прокладывает себе путь наружу, заставляя мои губы растянуться в улыбке – но я подавляю эту улыбку.

Я ни за что не признала бы этого вслух, но минувшей но-

чью изрядная часть моей души поверила в то, что Ник затеял это все ради того, чтобы сказать: он питает ко мне некие чувства и хочет встречаться со мной.

Это абсурдная идея, знаю.

Подобные вещи не происходят ни с того ни с сего.

Я не наивна, и я не идиотка. Я знаю, как малы шансы на то, что мой лучший друг, не видящий меня по многу месяцев, неожиданно вспыхнет ко мне любовью. Эти шансы, честно сказать, стремятся к нулю, и я пыталась придумать другие объяснения, однако в них не было смысла, потому что Ник в моем присутствии никогда не нервничал.

По какой бы то ни было причине.

Что еще могло заставить его нервничать рядом со мной, как не сердечное признание?

Скрестив ноги и сев прямо, я говорю:

– Давай уже, колись. У меня не так много времени.

Он прикрывает нос и рот сложенными ладонями, резко выдыхает, а когда отводит руки от лица, я вижу на его лице странную, какую-то пьяную улыбку.

Глаза его блестят, словно у девушки-подростка, получившей пропуск за кулисы на концерте Гарри Стайлса.

Ник пытается что-то сказать, но не может.

О боже...

Он действительно...

Он действительно пытается признаться мне...

– Мелроуз, – говорит он, делая глубокий вдох и падая пе-

редо мной на колени. Он берет меня за руки и, честное слово, на миг у меня плывет в глазах. – Ты помнишь, как в детстве мы всё-всё рассказывали друг другу?

– Да...

– Есть кое-что, чего я никогда не говорил тебе, – продолжает он, глядя мне в глаза. – Наверное... наверное, я боялся высказать это вслух. Я боялся, что это – то, чего я так хотел, больше, чем хотел чего-либо еще в своей жизни... что оно не сбудется. Мне казалось, что, признавшись в этом, я все испорчу. Поэтому я держал это при себе, но больше не могу. Это слишком важно. Оно гложет меня изнутри, и гложет уже не первый год. Но теперь пора. Я должен сказать это тебе.

Он несет чушь.

Ник никогда не нес чушь.

Он сжимает мои ладони дрожащими руками, потом поднимается и садится на диван рядом со мной. Обхватив мое лицо ладонями, он тепло улыбается, но эта улыбка вскоре сменяется тревогой.

– Это безумие, Мелроуз. Я поверить не могу, что собираюсь сказать тебе это.

Мои губы приоткрываются, я едва не выпаливаю что-то вроде «я тоже любила тебя с самого детства...» – но я прикусываю язык и жду, пока он выскажется первым.

– Ты же помнишь мою группу, верно? – спрашивает он, подразумевая свою первую группу, «Melrose Nights», которую он собрал в старшей школе и назвал в мою честь.

Я киваю, и сердце мое падает. Нет... летит вниз.

– И что насчет этого? – спрашиваю я, моргая, чтобы скрыть жгучий стыд во взгляде.

– Мел, я всегда мечтал сделать ее успешной, – говорит он. – В смысле, коммерчески успешной.

Я поднимаю брови. Для меня это новость.

Он всегда был сторонником любительской сцены и противником больших музыкальных корпораций, которые контролировали каждую песню, исполнявшуюся в Америке по радио.

– Правда? – Я склоняю голову, уткнувшись подбородком в грудь. – Ведь ты всегда говорил...

– Я знаю, что именно я всегда говорил, – обрывает он меня. – Но чем больше я об этом размышлял, тем сильнее мне казалось... я просто хочу, чтобы мои песни слышало как можно больше народа. И дело даже не в том, чтобы стать знаменитым и заработать деньги, ты же знаешь, я за всем этим не гонюсь. Я просто хочу, чтобы люди знали мои песни. Вот и все.

Я сглатываю комок в горле и смотрю на камин в углу, над которым на полке валяется пустая смятая банка из-под «Old Milwaukee» – любимого напитка Ника, – а рядом с ней приутилось что-то вроде скомканного кружевного лифчика.

Видимо, когда Ник убирался, он кое о чем забыл...

– Ладно, так что ты пытаешься сказать мне? – спрашиваю я, прищурившись.

– Мы подписали контракт... – Губы его растягиваются так широко, что выражение лица становится совершенно безумным. – ...И мало того, мы отправляемся в тур вместе с «Maroon 5».

Я изо всех сил пытаюсь сдержать глубокое недоверие и не дать этому чувству отразиться на моем лице, но что-то подсказывает мне, что моя попытка тщетна. Ник всматривается в меня, ловит мой взгляд, и его безумная улыбка угасает.

– Ты же ненавидишь «Maroon 5», – замечаю я.

– Я когда-то ненавидел «Maroon 5», – поправляет он. – Как бы то ни было, у них буквально в последнюю минуту полетели кувыркoм все планы, поэтому они ухватились за нас. Мы отбываем на следующей неделе.

– На следующей неделе? И надолго?

– На полгода. – Он стискивает намозоленные о струны гитары ладони. – Полгода в поездке с одним из самых крупных музыкальных коллективов в Северной Америке!

Он так громко произносит последнюю фразу, словно сам не может во все это поверить.

Как и я.

– Ух ты, Ник... это... это круто. Ты был прав. Это очень важные новости, – говорю я. Мне кажется, что все во мне медленно замирает. Мой голос. Мое сердце. Моя надежда. – Я рада за тебя.

Я обнимаю его, вдыхаю его запах и крепко сжимаю руки. Внутри у меня все ноет и завязывается в узел. Это не подда-

ющеся описанию чувство, которое охватывает тебя, когда ты понимаешь, что что-то вот-вот изменится и жизнь уже никогда не будет прежней.

Но я сказала правду. Я рада за него. Я понятия не имела, что он хотел именно этого, но теперь, когда он поделился со мной такими известиями, я действительно за него рада. Он мой лучший друг, самый давний мой друг, и я хочу лишь, чтобы он был счастлив.

И кроме того, он заслуживает этого.

Ник безумно талантлив.

Он пишет музыку.

Сочиняет стихи.

Поет.

Играет.

Работает музыкальным продюсером.

Сводит треки.

Все это у него получается естественно. И если он так и останется в тени, на любительской сцене, это окажет дурную услугу не только ему, но и всему остальному миру.

– Я понимаю, что это круто, Ник, но мне интересно... почему ты не мог сказать мне это все по телефону? – спрашиваю я. – Зачем заставлять меня ехать сюда, чтобы ты мог сообщить мне это лично?

Ник откидывается назад, всматривается в мое лицо и проводит ладонью по подбородку, покрытому едва заметной щетиной.

– Потому что я должен попросить тебя об одной услуге...

Приподняв бровь, я отвечаю ему таким же пристальным взглядом. Он никогда не просил меня ни об одном одолжении – с тех самых пор, как мы познакомились (не считая ряда случаев в средней школе, когда он хотел, чтобы я вместо него поговорила с девушками или за обедом утащила для него лишнюю порцию «итальянского льда»¹).

– Помнишь, я сказал, что взял это жилье в субаренду у одного чувака, – продолжает он. – Я плачу полторы тысячи в месяц – половину полной арендной платы. Плюс коммуналка. Ты же знаешь, какой я скряга, верно? Я просто не хочу выбрасывать эти деньги на ветер в те полгода, пока меня не будет, и не хочу вешать на Саттера свою половину квартплаты, это было бы просто нечестно.

– На Саттера? – переспрашиваю я.

– Саттер Олкотт – мой сосед, – поясняет Ник. – Хороший парень. Электрик, у него своя компания. Он тебе понравится. Конечно, я знаю, что ты живешь в гостевом доме своей бабушки, но ты единственная из моих знакомых, кто не связан арендой жилья, так что я подумал... мо-о-ожет быть, ты захочешь помочь мне в эти несколько месяцев? В качестве дружеской услуги. А за это я... ну, не знаю, сделаю что-нибудь для тебя. Что ты хочешь? Хочешь билет на концерт «Maroon 5» с пропуском за кулисы? Хочешь познакомиться

¹ Итальянский лед – холодный десерт, который готовится путем замораживания смеси сиропа и фруктового пюре определенного типа.

с Адамом?

– Ты уже перешел на «ты» с Адамом Левином? – спрашиваю я, склонив голову набок. Ник ухмыляется.

– Пока что нет. Но перейду.

– Не знаю... – Я делаю долгий, медленный вдох. – А как же Мёрфи?

– У нас есть огражденный двор, – отвечает Ник, указывая в заднюю часть дома. – Ему там понравится.

– А твой сосед? Будет ли ему по душе жить в одном доме с посторонней девушкой?

– Конечно.

– И ты уверен, что он не маньяк? – Я понижаю голос и подаюсь вперед.

Ник давится слюной.

– Э-э... да. Он не маньяк. Сердцеед, да, безусловно. Но не маньяк, ни в коем случае.

Наши глаза встречаются, и я молча прикидываю: оставить ли все как есть или согласиться оказать эту небольшую услугу.

Моя соседка-кузина Марица недавно переехала к своему парню, Исайе, так что в гостевом домике моей бабушки сейчас живу только я с Мёрфи. Иногда там бывает слишком тихо. И одиноко. Бабушка в последнее время полюбила путешествовать. То она дома, а спустя неделю уже летит на двенадцать дней на Бали вместе со своей лучшей подругой Констанс или кем-нибудь из клана Кеннеди.

Смена обстановки, возможно, будет к лучшему...

– Я сделаю что угодно, Мел. Все, что захочешь. – Он складывает ладони, выпячивает нижнюю губу и смотрит на меня, подняв брови.

Придурок.

– Умоляющее выражение лица тебе не идет, чтоб ты знал, – замечаю я.

– Ладно, ладно, но что тебе мешает сказать «да»? – Он складывает руки на коленях. Я пытаюсь ответить, но не знаю, что сказать.

– Вот видишь? – говорит Ник. – У тебя даже нет веской причины для того, чтобы отказать мне.

Он прав.

Я не могу сослаться на местоположение его дома – оно вполне удобно для меня. Я не могу сослаться на своего пса. Я не могу сослаться на слишком высокую арендную плату, потому что именно полторы тысячи в месяц бабушка берет с меня за проживание в ее гостевом домике. В семействе Клейборн не принято делать такие вещи бесплатно.

Но, помимо всего этого, я знаю, что Ник сделал бы это для меня, если бы мне понадобилось.

Пожав плечами, я смотрю ему в лицо и улыбаюсь.

– Отлично.

Секунду спустя он снова сгребает меня в объятия, крепко сжимает и начинает подпрыгивать на месте, словно обрадованный ребенок. Одним-единственным словом я раскрыла

ту сторону личности Ника, о существовании которой даже не подозревала.

– Я обожаю тебя, Мел, – говорит он, стискивая меня в объятиях еще крепче. – Я тебя ужасно люблю.

Я ожидала услышать эти слова сегодня... правда, совсем не в таком контексте.

Глава 2

Саттер

– Вам... э-э... нужна какая-нибудь помощь с этим? – Я захопываю дверцу своего рабочего пикапа и подхожу к блондинке, которая тащит две спортивные сумки и два огромных чемодана «Louis Vuitton», в то время как вокруг нее бегают маленький мопс на поводке.

Мне кажется, что с первого взгляда проникнуться к кому-то неприязню – это свидетельство дурного воспитания, но, созерцая свою новую соседку не более пяти секунд, я уже понимаю, что она именно такая, как я и ожидал. В смысле... она воплощение всего, что мне не нравится в современных лос-анджелесских девушках, и уж точно она не тот человек, с которым мне хотелось бы делить кров в течение ближайших шести месяцев.

Во-первых, по словам Ника, она «начинающая актриса». Это уже о многом говорит.

Во-вторых, она происходит из какого-то известного семейства, а я не очень хорошо умею ладить с детками из богатых и знаменитых семей.

А в-третьих... ну кто, черт побери, надевает обувь на высоких каблуках во время переезда в новое жилье?

Мелроуз пытается пройти по потрескавшейся асфальто-

вой дорожке, ведущей к моему бунгалу, и через каждые несколько шагов останавливается, чтобы поудобнее перехватить вещи.

Ее каблук цокает по асфальту, груди на каждом шагу колыхнутся, едва не выпрыгивая из облегающего белого топа. Помимо того она прижимает щекой к плечу свой смартфон.

– Я тебе перезвоню, – говорит она в трубку, заметив меня. По крайней мере, мне кажется, что она меня заметила. Трудно что-то разобрать сквозь огромные солнечные очки «Шанель», скрывающие ее глаза. – Да, всё в порядке.

– Или вы просто можете сделать две ходки, – продолжаю я.

Она сдвигает очки к кончику своего идеального носика и изучает меня.

Первое впечатление? Чертовски горячая цыпочка.

Второе впечатление? Чертовски требовательная цыпочка.

Третье впечатление? Проще некуда.

Когда мой изначальный сосед, Гектор, получил работу на другом конце страны, он убедил какого-то гитариста-казанову по имени Ник Кэмден поселиться в доме вместо него.

Ладно. Отлично. Кто угодно, лишь бы за жилье платил.

Но месяц спустя группа Ника подписала контракт с какой-то крутой студией звукозаписи и ему сообщили, что в ближайшие полгода ему вместе с группой предстоит гастролировать по всей стране. Ник, будучи скрягой, сразу же за-

звал какую-то свою старую подругу пожить в доме вместо него.

Он заверил меня, что мы с ней поладим, что она «дико клевая» и «ненапряжная», и пообещал, что, если ничего не получится или если она решит съехать, он все равно будет ежемесячно выплачивать свою половину арендной платы.

С первого же взгляда на эту штучку я понял, что мы с ней постоянно будем спорить. Вероятно, в течение ближайшей пары месяцев нам предстоит ругаться, выясняя, кто оставил сиденье в туалете поднятым (не я) и чья очередь мыть тарелки, скопившиеся в раковине (ее, естественно). А через некоторое время она соберет вещички и съедет обратно в гостевой дом своей бабушки в Брентвуде, проклиная тот день, когда встретила меня.

Не вижу ничего плохого в том, чтобы слегка ускорить неизбежную развязку.

Изрядную часть последнего десятилетия я жил вместе с соседями, к тому же я все еще не отошел от затянувшегося расставания с девушкой, которая буквально висела на мне, не давая вздохнуть.

Все, что мне нужно – это немного личного пространства и времени для того, чтобы выдохнуть и прийти в себя.

– Мелроуз – ваше настоящее имя? – спрашиваю я, подходя ближе и подхватывая одну из ее сумок. Одновременно я присматриваюсь к своей новой соседке поближе. Запах дорогих духов наполняет мои легкие, и я от души надеюсь, что

эта девушка не настолько общительна, как кажется с виду. — Или это актерский псевдоним, который вы взяли, чтобы выделиться среди прочих?

Она склоняет голову набок.

— «Саттер Олкотт» звучит как имя богатого белого старикашки.

«Туше».

Я подавляю улыбку и перебираю ключи, пока не найду нужный, потом вставляю его в замок входной двери. Мелроуз маячит позади, выжидая, и я более чем уверен, что от меня воняет, как от помойки. Я весь день тянул проводку в строящемся здании в Энсино, а март нынче выдался необычайно жарким.

Особенно для целого дня работы.

Мы входим в дом, и я ставлю ее сумку у левой стены прихожей, но на этом моя помощь заканчивается, поскольку сейчас у меня три первоочередных дела: горячий душ, холодное пиво и сочный стейк-рибай.

— Вы знаете, куда идти? — спрашиваю я.

— Ник сказал — вверх. Спальня слева.

Я хмыкаю:

— У Ника проблемы с ориентировкой в пространстве. Слева — моя комната. А его, то есть ваша, справа.

Странно думать о том, что она и Ник — друзья, даже лучшие друзья. Он может носить одну и ту же футболку по три дня, прежде чем кинуть в стирку. А на ней туфли с красной

подошвой и высокими каблуками – я постоянно вижу женщин в таких туфлях на бульваре Робертсон.

– Вы всегда так наряжаетесь для переезда? – спрашиваю я, отметив, что ее блестящие белокурые волосы изящно завиты, а полные губы накрашены темно-розовой помадой. Не знаю уж, полные ли эти губы от природы или же она попыталась сделать из себя некое подобие Кайли Дженнер – в наши дни подобные вещи не определишь на взгляд, по крайней мере, в большом городе. Однако эти губы просто великолепны, словно две половинки подушки, имеющей форму сердечка.

– Я не наряжалась. – Она опускает взгляд на свои туфли на шпильках, потом снова смотрит на меня. – Это не наряд. Может быть, там, откуда она прибыла, это и так.

– А, понимаю. Значит, вы просто хотели произвести на меня впечатление, – говорю я.

Мелроуз поджимает губы – такие полные, розовые... Да, я уже говорил о них.

– К вашему сведению, у меня сегодня было прослушивание, и я целый день ездила по городу. У меня не было времени переодеться.

– Ник сказал, что вы актриса, – припоминаю я. Он рассказал мне все о ней – о том, как познакомился с ней еще в детстве и что ее бабушка была какой-то знаменитой и именитой кинозвездой по имени Глория Клейборн, хотя я плевать на это хотел. – Но я не видел вас ни в одном фильме.

Я запомнил бы такое лицо.

И такую грудь я тоже запомнил бы.

Она прищуривает красивые глаза и расправляет плечи.

– Вы не могли бы хоть полминуты вести разговор без завуалированных оскорблений в мой адрес?

– Вы полагаете, что я намеревался вас оскорбить? – Я подавляю усмешку.

– Ник сказал мне, что вы хороший человек, – отзывается она. – Он не говорил мне, что вы заносчивый нахал.

Я прижимаю ладонь к сердцу, притворяясь, будто ее слова меня уязвили.

– Может, это он виноват в том, что так меня расхвалил? Он скупой, как черт, и сделает что угодно лишь бы сэкономить несколько баксов. Я ужасно рад, что больше в моем холодильнике не будут валяться эти банки с мочой... то есть с «Old Milwaukee».

Мелроуз опускает взгляд, как будто ей трудно признать, что ее друг детства буквально продал ее за эти несколько тысяч баксов. Отпустив ручку чемодана, она складывает руки на груди.

– Он не стал бы ставить меня в такое неловкое положение, – возражает она. – Он не стал бы просить меня жить под одной крышей с кем бы то ни было, если бы не думал, что я смогу с этим человеком поладить.

– Может быть, вы просто знаете его не настолько хорошо, как вам кажется? – Я пожимаю плечами, как будто это не

моя проблема – и это действительно так. – Я всегда априори предполагаю, что все лгут и заботятся только о себе. Так намного реже приходится разочаровываться в жизни.

– Я не лгу.

– Фигня, – отмахиваюсь я. – Все лгут. А если говорят, буд-то не лгут, то тоже лгут.

– Я не согласна, но пусть так. – Она закатывает глаза и выдыхает сквозь сжатые губы. Мой взгляд снова падает на эти губы – такие полные, что это мешает сосредоточиться на чем-то другом. Хотя и остальные черты ее внешности безупречны – от сливочной кожи и изогнутых ресниц до блестящих белокурых локонов и подтянутого аккуратного зада. Но если я что-то и усвоил к своим двадцати восьми годам, то это то, что безупречная внешность почти всегда уравнивается внутренним уродством, безумием и прочими неприятными особенностями.

Я точно это знаю.

Моя прошлая девушка была такой же, понадобилось лишь немного больше времени для того, чтобы сквозь ее внешний лоск добраться до истинной сути: лживая, легкомысленная принцесска, изображающая из себя веганку-филантропку, главная ценность которой – полностью натуральная вагина.

– Вы всегда держитесь так, словно кол проглотили, или я просто застал вас в неудачный момент? – спрашиваю я. Мне искренне интересно, но я готов получить любой ответ.

– Зачем это? – Она хмурит брови, ее рес легонько царапает ей ногу. Он явно устал от этого разговора. – Вы испытываете меня? Пытаетесь проверить на прочность? Узнать, насколько далеко вы можете зайти, прежде чем я дам отпор?

Близко... но не совсем в точку.

– Кажется, я когда-то тоже так делала... когда была совсем маленькой, – добавляет она.

– Ой-ой-ой. – Я направляюсь к лестнице, изображая, будто поражен до глубины души. – Вы закончили? Могу я уже принять душ?

– То, что я вежлива, не означает, что я глупа. Я неплохо читаю людей, Саттер. В том числе и вас. Я точно знаю, что вы пытаетесь сделать, и искренне советую вам перестать.

Я потираю грудь ладонью и ухмыляюсь.

– Вы пытаетесь меня запугать?

Мелроуз сжимает губы.

– Нет. Просто говорю, чтобы вы прекратили это.

– Что именно прекратить?

– То, что вы пытаетесь делать, – говорит она. – Потому что могу вам пообещать: со мной это не сработает. У меня толстая шкура и долгое терпение.

Я начинаю гадать – быть может, я ее недооценил? Все это время я предполагал, что она типичная «брентвудская сучка» с полным отсутствием личности, амбициями до небес и самоуважением на уровне плинтуса.

Но... теперь мне кажется, что в ней может быть больше,

чем видно с первого взгляда.

– Итак... – Она приподнимает ухоженные брови и делает шаг ко мне, держась прямо и гордо, словно королева. – Может быть, начнем сначала?

– Что?

Она протягивает правую руку, и на ее красивом лице медленно проявляется улыбка.

– Привет, Саттер. Я Мелроуз, ваша новая соседка. Рада познакомиться с вами.

Не знаю, разыгрывает ли она меня или искренне хочет начать все заново – насколько я понимаю, она может и притворяться, но мне кажется, что это не так.

В любом случае, я решаю подыграть. Я отказываюсь быть проигравшим в той игре, которую я сам же и затеял.

– Мелроуз, очень приятно с вами познакомиться. Николас высоко ценит вас. Уверен, что мы подружимся, – отвечаю я преувеличенно-сладким тоном, пожимая ей руку.

В эту игру можно играть и вдвоем.

– Вот так намного лучше. – Она выдыхает, выражая частичное довольство ситуацией, потом снова берется за ручку чемодана.

Я действительно ожидал сегодня увидеть голливудскую принцесску, начинающую Пэрис Хилтон с комплексом превосходства. А встретил остроумную красавицу, которая в мгновение ока поставила меня на место.

И это... если быть полностью честным с собой... на самом

деле чертовски круто.

Глава 3

Мелроуз

Ник мне должен.

Он очень много мне должен.

И при следующей нашей встрече я ему это выскажу. Я ему все это выскажу прямо в лицо.

Ему повезло, что я всегда держу свое слово, иначе бы я с порога уехала с вещами обратно.

Войдя в комнату Ника – мою комнату, – я расстегиваю «молнию» чемодана и пытаюсь найти пустой шкаф или отделение гардероба, на которое смогу претендовать. Я привезла с собой немного вещей... да... только необходимое. Одежду. Обувь. Косметику. Клейкие листки и гелевые ручки, чтобы писать записки и напоминания.

Все остальные мои вещи остались в гостевом домике в Брентвуде, а поскольку Ник конечно же не увез с собой мебель, вряд ли мне понадобится что-то сверх основного минимума.

И к тому же я не хотела обременять себя лишним – на тот случай, если сосед Ника окажется полным уродом. Я бы сделала для Ника все, что угодно, но я не собираюсь проводить ближайшие полгода в компании какого-то отморозка лишь ради того, чтобы Ник мог сэкономить несколько тысяч бак-

сов на арендной плате.

Если мне хотя бы покажется, что Саттер записывает на камеру, как я принимаю душ, или крадет мое нижнее белье, я сразу же съеду отсюда. Есть предел тому, что я смогу вытерпеть, даже ради самого любимого на свете человека.

Но что-то подсказывает мне, что Саттер не таков.

Неприятный? Да, абсолютно верно.

Маньяк? Хм, похоже, что нет.

Гардероб Ника забит футболками, мешковато свисающими с проволочных и пластиковых плечиков вперемешку, без какого бы то ни было порядка. Сдвинув его вещи в сторону, я расчищаю для себя несколько футов пространства и начинаю развешивать в шкафу свои топики и платья.

Закончив с этим, я на секунду присаживаюсь на его кровать и вижу на прикроватном столике нашу с Ником совместную фотографию. Я узнаю ее: этот снимок был сделан в наш первый год в старшей школе, когда парень, с которым я встречалась, послал меня за неделю до школьного бала – и было это после того, как Скайлар Сондерс осталась без пары для этого самого бала и, поедая пиццу в школьном кафетерии, при всех высказалась, что всегда считала моего парня симпатичным.

Он конечно же узнал об этом – и избавился от меня, как от протухшего содержимого мусорного ведра. Однако в свою защиту могу сказать, что девяносто восемь процентов парней в старшей школе Ла-Палома поступили бы точно так же.

Все хотели встречаться со Скайлар, и мне достался неудачный жребий, потому что, как оказалось, она хотела встречаться именно с моим парнем.

Ник в тот год не собирался идти на бал – он никогда не любил таких мероприятий, к тому же, как это ни странно для ритм-гитариста, он совершенно не умел танцевать. Однако в последнюю минуту он заставил себя натянуть фрак и возник у меня на пороге, протягивая мне букетик цветов, чтобы я могла украсить корсаж своего бального платья. А на подъездной дорожке за его спиной стояла винтажная «Шелби Кобра», принадлежавшая его отцу.

На фотографии мы позируем перед этой самой машиной, стараясь не смеяться над тем, как неловко он обнимает меня за талию, а я прижимаюсь к нему спиной, и мы выглядим словно настоящая пара.

Я улыбаюсь. Во всех воспоминаниях моего детства и юности обязательно присутствует Ник – хотя бы в чем-то, отдаленно, намеком.

Гул воды, текущей по старым водопроводным трубам бунгало, возвращает меня в настоящее, в мою новую реальность. Должно быть, Саттер принимает душ в единственном санузле этого дома... подробность, которую Ник не поведал мне до того, как я согласилась переехать сюда.

Будучи единственным ребенком в семье, я никогда ни с кем не делила санузел. Даже когда мы жили в гостевом домике вдвоем с Марицей, у каждой из нас был свой «уголок

задумчивости». Я не говорю, что это для меня слишком пониженски, однако не могу не отметить, что для меня подобный опыт будет внове. Даже во время учебы в колледже я жила на съемной квартире, и у меня всегда была собственная ванная.

Бедняга Саттер.

Ему, несомненно, понравится тот факт, что я могу проснуться по утрам единственным способом – напевая под душем песенки из популярных музыкальных шоу. Особенно в дни прослушиваний, когда это служит сразу двум целям. Мне нужно распеться, чтобы голос звучал приятно, а самый быстрый способ это сделать – петь под горячим душем.

Спускаясь обратно в прихожую, чтобы забрать свой второй чемодан, я хихикаю про себя, мысленно воспроизводя нашу словесную стычку – а это была именно стычка.

Он отпускал в мой адрес короткие фразы и замаскированные шпильки практически с момента встречи, и у меня почти не было шансов оценить, насколько симпатичен этот парень. Это о многом свидетельствует, потому что смотреть на него действительно приятно – если бы он при этом молчал.

Загорелая кожа.

Взлохмаченные русые волосы.

Чеканные черты лица.

Мускулистые руки с проступающими венами.

Широкие плечи.

Теплые светло-карие глаза – если в них долго смотреть,

можно растаять.

Но Саттер был слишком занят тем, что проверял на прочность границы и устанавливал главенство, словно дикий кот, метящий территорию, и в конце концов мне пришлось заявить о своем месте в этой новой иерархии и заставить его отступить.

Единственное, чего я не могу понять... зачем?

Зачем эти проверки и подколки с его стороны?

Мы с ним посторонние друг другу люди.

Совершенно посторонние.

Поправив на плече лямку сумки, я начинаю подниматься по деревянной лестнице. Едва я одолеваю пять ступеней, как дверь ванной распахивается и оттуда в облаке выходит совершенно нагой красавец, прямо древнегреческий Адонис, и его рука (едва) прикрывает немаленькое... достоинство.

Взглянув в сторону лестницы и увидев меня, он улыбается краешком губ, потом подмигивает и салютует, прежде чем скрыться в своей комнате.

Ага. Так вот как он хочет обернуть ситуацию?

Отлично.

Игра начинается, Саттер.

Глава 4

Саттер

...как следует оторвемся...

...и весь этот джаз...

Это что еще за чертовщина?

Мне требуется секунда, чтобы проснуться, но потом я понимаю, что сейчас шесть утра и что моя новая соседка поет песенку из мюзикла в душевой, разделяющей наши комнаты.

– Черт тебя побери, женщина! – Я со стоном перекатываюсь на другой бок и накрываю голову подушкой, но звук от этого не становится особо тише.

У этой девушки отличные голосовые связки, надо отдать ей должное. Держу пари, она из тех голливудских «див тройного поражения», чьи родители выложили десятки тысяч долларов на то, чтобы их кровиночка могла петь, танцевать и играть перед камерой – на достаточном уровне, дабы предстать перед публикой и когда-нибудь, может быть, когда-нибудь... стать новой Арианой Гранде.

Еще раз застонав, я тянусь за своим телефоном, лежащим на прикроватном столике, и втыкаю наушники. Спустя десять секунд в ушах у меня играет «Steely Dan»² – как будто

² «Steely Dan» – американская рок-группа, исполняющая сложный, нестандартный джаз-фьюжн с элементами софт-рока, фанка, ритм-энд-блюза.

в моей ванной и не идет дурацкое бродвейское шоу.

Сначала я прослушиваю «Hey Nineteen».

Потом «Deacon Blues».

«Bad Sneakers» и «Show Biz Kids».

Когда начинается пятая песня, я выдергиваю один наушник и прислушиваюсь, что творится у меня за дверью. Пение и шум текущей воды все еще продолжают.

Сбросив одеяло, я выползаю из кровати в одном из самом худших и мрачных утренних настроений и шлепаю в сторону ванной. Там я обнаруживаю желтый клейкий листок, прилепленный к дверному косяку. На нем фиолетовыми чернилами нацарапано:

*ЗАРЕЗЕРВИРОВАНО ЗА МЕЛПРОУЗ С 6:00 ДО 7:00
М/Ж*

Пусть лучше это будет шуткой.

Я комкаю бумажку в кулаке и стучу в дверь.

– Кто там? – спрашивает она певучим голосом, способным посрамить любую из диснеевских принцесс.

– Вы скоро закончите? Мне нужно собираться на работу. – Уперев руку в бок, я резко выдыхаю. Мне нужно приезжать к восьми, и, выехав на минуту позже обычного времени, я могу застрять в пробке на лишние двадцать минут, вместо того чтобы приехать вовремя.

С Ником такой проблемы не было никогда.

Он почти постоянно приходил домой в три часа ночи, спал весь день, а душ принимал между обедом и ужином –

по крайней мере, я так полагаю. Когда по вечерам я приходил с работы, в доме всегда пахло мылом.

– Мне нужно держать бальзам на волосах, по крайней мере, еще двадцать минут, – громко отзывается она.

Прижавшись лбом к двери, я вдыхаю цветочный запах шампуня и геля для душа, просачивающийся наружу.

Но секунду спустя замок щелкает, и дверь распахивается, являя моему взгляду Мелроуз, которая стоит перед зеркалом, приоткрыв рот. Голова ее обмотана тюрбаном из полотенца, а тело окутано толстым халатом, скрывающим буквально все.

– Вы не можете вот так врываться сюда, – говорит она, стискивая в пальцах махровые отвороты халата. – Seriously. Неужели вам непонятно?

– Я как раз собирался починить этот замок, – отвечаю ей, осознав, что произошло. «Это была случайность, клянусь». – Какого черта душ все еще включен, а вы стоите тут в халате?

– Пар благотворно действует на мою кожу.

Наверное, она действительно считает меня идиотом. Буду очень рад разочаровать ее.

– Вы всегда наматываете на голову полотенце, когда наносите на волосы бальзам? – интересуюсь я, глядя мимо нее.

– Всегда. – Она прячет улыбку.

Секунду спустя пар начинает улетучиваться, маленькое помещение остывает, но душ все еще бежит.

– Вы использовали всю горячую воду, – заявляю я, упирая руки в бока и с силой выдыхая.

– Всю? О боже, мне так жаль. – Она поворачивается к душе, поворачивает кран, потом протискивается мимо меня к двери.

Она идет в свою комнату, и я вижу только ее спину, но я уверен, что она широко ухмыляется.

Сжав руку в кулак, я прижимаю его ко лбу и делаю глубокий вдох, прежде чем выйти в коридор и постучать в ее дверь. Подобные ситуации нужно пресекать в зародыше.

– Да? – отвечает она и секунду спустя открывает дверь, все еще одетая в свой широченный халат.

– Я знаю, что вы пытаетесь сделать, – говорю я. – Больше так не делайте.

Она на миг прикусывает ровными белыми зубами нижнюю губу, уголки ее рта чуть приподнимаются.

– Не шутите со мной, и я не буду шутить с вами. Всё просто.

Я прищуриваюсь.

– Это потому, что вчера я вышел из душа голым? Я просто забыл свое полотенце. Что мне было делать – заматываться в коврик для ванной?

Что такого, если она на полсекунды увидела мою задницу? Да половина телеканалов сейчас показывает куда больше обнаженки. Я прикрыл важные части – по крайней мере, постарался.

– Вы действительно считаете, что я вам поверю – несмотря на то что вы вышли из ванной вразвалочку и подмигнули мне? – спрашивает Мелроуз.

Это подмигивание должно было разрядить ситуацию, сгладить неловкость и показать ей, что я не какой-то там сексуальный извращенец. Если бы я знал, что это дурацкое подмигивание только осложнит обстановку, я ни за что бы так не поступил.

– В любом случае, разве вам не нужно собираться на работу? Полагаю, если вы пойдете в ванную сейчас и не будете торчать под душем слишком долго, вам хватит теплой воды на трехминутное омовение. – С этими словами она захлопывает дверь, а я остаюсь стоять в коридоре. Я разъярен, но еще более впечатлен.

Не хочу забегать вперед, учитывая, что она живет здесь меньше суток... но мне кажется, что я встретил достойную соперницу.

Глава 5

Мелроуз

– Как я выгляжу, Мёрф? – Я кручусь перед своим псом, демонстрируя ему свое черное, льнущее к коже платье-футляр от «Nerve Leger», которое приберегаю для особых случаев.

Мопс склоняет набок круглую голову и моргает.

Я фотографирую свое отражение и пересылаю лучшей подруге, Аэрин, которая не боится сказать мне, если что-то не так.

– Да, это правда. Я надевала его слишком много раз. После сегодняшнего дня я отправлю его в отставку. – Я прохожу через свою новую комнату к зеркалу и изучаю собственное отражение. Сегодня утром – после инцидента с душем – я вышла пробежаться трусцой по району. Он оказался на удивление спокойным и жилым, а не застроенным сплошными пивными и клубами, как можно было ожидать от места, где решил поселиться Ник.

За обедом я встретилась с парой подруг, с которыми познакомилась на курсах актерского мастерства, а потом до раннего вечера завивала волосы и укладывала еще теплые локоны – так, чтобы они легли блестящими волнами в стиле голливудских кинозвезд.

Взяв ярко-розовую помаду, я наношу ее на губы, потом улыбаюсь и проверяю, не испачкала ли я зубы.

Помада – это всего лишь стратегический ход. Во-первых, период внимания у мужчин невероятно короткий, особенно в городе, где на каждом шагу попадаются сногшибательные красотки. Но если мои губы накрашены этой броской помадой, это привлекает мужские взгляды ко мне.

Во-вторых, если они смотрят на мои губы, то есть немало шансов, что они действительно слышат те слова, которые произносят эти губы.

И в-третьих, если я так накрашусь, то большинство этих мужчин не посмеют даже попытаться поцеловать меня. Они не захотят рисковать тем, что, выйдя из «Ivy», наткнутся на кого-либо из своих друзей и те увидят мазки розовой помады – на губах или на воротничке, не важно. Не говоря уже о том, чтобы пройтись под руку с девушкой вдвое младше себя.

Эти типы предпочитают хранить свои бесстыдные вкусы в тайне.

Об этом свидетельствуют беззвучные «Ролекс» на запястье.

И то, что эти мужчины всегда точно знают, какое вино к какому блюду заказать.

И владеют искусством не называть вслух имен.

И ездят на спорткарах за миллион долларов – совершенно не приметного цвета: черного, белого или серебристого.

И живут в особняках, скрытых среди Голливудских хол-

мов, за коваными воротами, к которым ведет извилистая подъездная аллея.

Конечно, есть типы, которые демонстрируют свое богатство, словно почетную награду. Они приезжают на желтых «Феррари» и ради скромного ужина на двоих надевают больше побрякушек, чем носит средний рэпер.

Обычно я стараюсь избегать таких типов, но не всегда получается – время от времени кто-нибудь да попадетсЯ. И вопреки тому, как воспринимает меня большинство людей, я не гонюсь за материальными благами. Мои дизайнерские солнечные очки? Мои модные туфли? Мои дорогие чемоданы? Все это отдала мне мама.

Я слишком бедна, чтобы позволить себе шикарные трапезы и багаж с монограммами.

«Трудности актерской жизни» – это не просто речевой штамп, это моя реальность.

Телефон, лежащий на прикроватном столике, вибрирует, и я тянусь за ним, разблокирую движением большого пальца и нажимаю на значок сообщения.

РОБЕРТ: Идем сегодня?

Я отвечаю улыбающимся смайликом, добавляю «конечно» и нажимаю кнопку отправки.

РОБЕРТ: Уже еду.

Роберт Макколи – местный продюсер с огромным списком впечатляющих связей. Мы встретились на съемках

фильма «Время жизни» несколько месяцев назад, и он, не тратя времени, предложил мне встречаться. Вот только вскоре после начала съемок он вернулся в Лос-Анджелес, и до нынешнего дня наше расписание не совпадало.

Если бы моя кузина Марица была здесь, она отругала бы меня за то, что я иду на свидание с мужчиной вдвое старше меня, однако в этом нет ничего отталкивающего или неподобающего.

Как правило, те мужчины в возрасте, с которыми я встречалась, были более стильными и куда более элегантными, чем молодые. У них был обширный опыт, который парням двадцати с небольшим лет еще только предстоит обрести. И они не скряги. Я уважаю мужчин, которые понимают, что жизнь слишком коротка, чтобы заказывать блюда из меню «всё за доллар».

К тому же я предпочту нарядиться и пойти на изысканный ужин, чем отправиться на домашнюю вечеринку в Калабасас с каким-нибудь парнем... который сольется, как только его дружки начнут высмеивать его влюбленность. Еще меньше мне нравятся те, которые ездят на «Порше» и рассуждают о том, какие они успешные, но, как только нам приносят чек, им хватает наглости предложить мне заплатить пополам.

Дилетанты.

Я больше не собираюсь тратить время на парней моего возраста и даже не сожалею об этом.

Я присаживаюсь на край кровати и ухмыляюсь, вспоми-

ная сегодняшнее утро и инцидент с душем.

Следует признать, обычно я не веду себя так по-детски. Разбудить его попсовыми песенками и истратить всю горячую воду – это несколько ниже моего достоинства, но после того маленького спектакля, который он устроил вчера по выходе из ванной, я должна была расставить всё по местам – и как можно быстрее.

В любом случае, Саттер просто сборный образ парней моего возраста, которые обычно западают на меня. И сборный образ тех парней, которых я без проблем посылаю.

Хлопает входная дверь, и стены дома содрогаются.

«Упомяни о чёрте...»

– Идем, Мёрф. – Я похлопываю себя по бедру, мопс спрыгивает с кровати и следом за мной бежит вниз по лестнице. Мне нужно выгулять его, прежде чем приедет Роберт, а потом я запру Мёрфи в вольере – ради его собственной безопасности.

Не то чтобы я не доверяла Саттеру, но если Мёрфи, боже упаси, потеряется или пострадает, я не могу рассчитывать на помощь своего соседа. Я предпочту, чтобы мой пес был жив и здоров и, когда я вернусь домой, оказался там, где я его оставляю.

Спустившись вниз, я огибаю угол у двери и едва не сталкиваюсь с упомянутым соседом.

– Привет, – говорю я, заправляя за ухо белокурый локон. От солнца его кожа сделалась бронзовой, а русые во-

лосы местами выгорели. На белой футболке с надписью «ALCOTT ELECTRIC» зияет длинный косой разрез, открывая верхние кубики его накачанного пресса.

Мёрфи царапает мою ногу, просясь ко мне на руки, но я и так уже в течение десяти минут чистила платье липким роликом и не собираюсь делать это снова – час свидания все ближе.

Мы с Саттером встречаемся взглядами, но он хранит молчание. Я понятия не имею, злится ли он на меня за утреннее происшествие или всё еще оценивает, на что я способна. Судя по его легкому прищуру, я полагаю, что то и другое разом.

– Ну... ладно, – говорю я, обходя его. – Пойдем, Мёрф, тебе надо погулять.

Мопс семенит за мной, и мы выходим через раздвижную дверь черного хода в патио.

Задний двор крошечный, почти микроскопический, но он окружен деревьями и выгоревшим деревянным забором, отсюда не слышно ни шума дорожного движения, ни даже голосов соседей.

Здесь уютно.

Совсем не похоже на ухоженное поместье бабушки или сдержанно-богатый дом моих родителей, где я росла – по соседству с Ником.

Прислонившись к крашеному столбику крыльца, я жду, пока мой пес сделает свои дела, потом сверяю время.

Роберт должен приехать с минуты на минуту.

Мое сердце сбивается с ритма, когда я пытаюсь представить себе первый момент встречи – когда ты впервые видишь кого-то после того, как весь день готовилась к этому. Скрещивание двух выжидающих взглядов. Столкновение двух безмолвных улыбок.

А еще я просто люблю свидания.

Я люблю знакомиться с новыми людьми.

Я люблю выстраивать отношения и заводить связи, особенно такие связи, которые могут в будущем дать мне какие-то возможности.

Это мой конек, моя стихия.

Это то, что я делаю.

Мёрфи возвращается к крыльцу, и мы входим в дом. Я усаживаюсь на кожаный диван коньячного цвета, скрещиваю ноги и окидываю взглядом свой собственноручно сделанный маникюр: нет ли царапин или облупившегося лака?

Всё в порядке.

Глядя в окно, я насчитываю шесть машин, проехавших мимо, потом решаю подняться наверх и найти свой винтажный браслет от «Картье» – подарок от бабушки на шестнадцатилетие и мой талисман.

У Роберта, вероятно, больше связей, чем у кого-либо из тех, с кем я ходила на свидания. Его резюме – это список длиной в милю, заполненный впечатляющими именами и известными блокбастерами. Но если даже не считать того, что встреча с ним может дать мне некую профессиональную вы-

году, он приятен с виду и в обращении.

Поднявшись по лестнице, я захожу в свою комнату, закрываю дверь и наклоняюсь над чемоданом, роюсь в кармашках в поисках футляра с украшениями.

Я собираюсь все разложить по местам в эти выходные, но мне понадобятся коробки и чехлы, чтобы положить вещи Ника на хранение. Он попросил меня въехать в его комнату, но оставил в ней все как было – наверное, просто запихал охапку смятых шмоток в один большой чемодан.

По комнате все еще разбросаны его постеры, фотографии, медиаторы для гитар и заляпаннные кофе блокноты – именно так он все это хранил.

Я даже нашла под кроватью пустую банку из-под «Old Milwaukee».

Ох Ник...

С нескольких попыток я все-таки ухитряюсь найти свой браслет и ключик, который отпирает его. Спустя минуту я загоняю Мёрфи в его вольер и спускаюсь обратно вниз, ожидая приезда Роберта.

Запах мужского геля для душа витает в сыром воздухе над лестницей, и это подсказывает мне, что Саттер только что принимал душ после работы – насколько я понимаю, это у него постоянная привычка.

В глубине души я чувствую побуждение извиниться перед ним за сегодняшнее утро. Сомнительно, что начать день с прохладного (во всех смыслах) приветствия от почти незна-

комой соседки – это лучший способ наладить отношения.

Теперь я отчасти чувствую себя виноватой, но в то же время – отомщенной.

Уперев руку в бок и цокая каблуками по деревянному полу, я направляюсь на кухню, ориентируясь на хлопок дверцы холодильника и на звук откупориваемой пивной бутылки.

– Послушайте, – говорю я. – Я прошу прощения... за сегодняшнее утро. Мне не следовало использовать всю горячую воду.

Он делает глоток пива и окидывает меня взглядом.

– Но, если серьезно, нам нужно ладить друг с другом и уважать друг друга, – продолжаю я. – Иначе эти шесть месяцев, вероятно, будут...

– Тебе, наверное, следует снять этот наряд, – без всякого выражения заявляет Саттер и делает еще глоток.

– Что? – Мое лицо вытягивается. Я в полном замешательстве. Если он так пытается ухаживать за мной, то, черт побери...

– Он уехал.

– Кто уехал? – спрашиваю я.

– Тот тип, – поясняет он, кивая в сторону входной двери. – Тип в костюме-тройке, приехавший на «Феррари».

– Роберт?

– Я не спрашивал, как его зовут. Я просто сказал, чтобы он уезжал.

Мои глаза распахиваются сами собой. Мне хочется уда-

рить Саттера по лицу.

– Ты хоть знаешь, кто это был?

Он пожимает плечами.

– Не-а. Не знаю. И мне плевать.

– Роберт Макколи. – Я произношу это имя медленно, подчеркивая каждый слог.

Саттер снова пожимает плечами, как будто это имя ничего ему не говорит.

– Он очень известный продюсер, – говорю я, чувствуя, как немеют и дрожат губы. Руки у меня тоже дрожат. И голос тоже. – Мы уже несколько месяцев планировали это свидание. Зачем... почему ты это сделал? Какое ты имел право?

– Я оказал тебе услугу. – Он прислоняется к кухонной стойке и опирается на нее локтем, словно ведет какой-то ничего не значащий диалог.

– Ты понятия не имеешь, что ты сделал. – Я сжимаю зубы с такой силой, что мышцы на щеках сводит острой болью.

Он качает головой.

– Этот тип просто хотел покрасоваться рядом с молодой симпатяжкой и перепихнуться с девушкой, чье либидо еще не на пике. Это просто отвратительно. И бесперспективно. Для вас обоих.

– Ни хрена себе у тебя шуточки!

– Да нет, хрен есть, хочешь проверить? – Он ухмыляется, и мне хочется сорвать эту улыбку с его красивого лица. Несмотря на то что Саттер по любым стандартам невероятно

привлекателен, в этот момент его вид раздражает меня.

– Ни за что. – Я твердо скрещиваю руки на груди. – Даже через сто миллионов лет. Даю слово. – Я понимаю, насколько по-детски это звучит, но я слишком зла, чтобы сдерживаться.

Схватив свой телефон, я собираюсь набрать сообщение Роберту, но сначала мне нужно узнать, что сказал ему Саттер.

– Что ты такого ему наговорил, что он уехал? – спрашиваю я. Он прижимает к губам горлышко бутылки, но не пьет.

– А какая разница?

– Мне нужно исправить то, что ты натворил, так что разница есть. Отвечай немедленно.

Он отходит к раковине, допивает пиво, потом споласкивает бутылку и отправляет в мусорное ведро для перерабатываемых отходов в дальнем конце стойки.

Никогда не встречала такого цивилизованного наглеца.

– Я сказал ему, что он недостаточно хорош для тебя, – отвечает Саттер, поворачиваясь ко мне лицом. Он опирается ладонями о стойку позади себя и скрещивает ноги в лодыжках – словно мы приятели, болтающие о том о сем, и я не стою перед ним в платье и туфлях за несколько тысяч долларов, с прической и макияжем, на которые убила весь вечер.

– Почему ты это сказал? – В горле у меня встает комок.

Саттер выпрямляется и скрещивает руки на своей мускулистой груди.

– Потому что я знаю таких, как он.

Закатив глаза, я прикусываю нижнюю губу, чтобы она не дрожала.

– Ты ничего не знаешь обо мне. Ты ничего не знаешь о нем. Ты не имел права.

– Я знаю достаточно.

Прикрыв глаза ладонью, я делаю глубокий вдох. Сейчас я не могу смотреть на него, я хочу уйти, но тело становится неподъемно-тяжелым, кровь – густой и горячей, и я не могу сделать ни шагу.

– Наверняка было что-то еще, – говорю я несколько секунд спустя, заставив себя посмотреть в глаза Саттеру. – Он не уехал бы просто потому, что какой-то незнакомый тип сказал ему, будто он недостаточно хорош для меня.

У Роберта Макколи стальное эго и больше самоуверенности, чем у Джорджа Клуни и Тома Круза вместе взятых. Чтобы отказаться от меня, ему вряд ли бы хватило слов какого-то наглого электрика.

– Не важно, что я сказал, – заявляет Саттер. – И прекрати спрашивать, потому что я тебе все равно не отвечу.

Я делаю шаг к нему, сжимая кулаки. Я много чего хочу сказать ему, но слова застревают в горле, меня душит неприкрытая ярость.

Я устремляю на него пылающий взгляд.

А потом иду прочь, гневно вколачивая каблуки в пол. Наверное, следовало показать ему средний палец, плюнуть в

лицо, крикнуть, что он не имел права. Но, вероятно, ему это слишком понравится.

Я не склонна кого-то ненавидеть, но если бы все же захотела... предметом моей ненависти был бы Саттер Олкотт.

Глава 6

Саттер

– Чувак, у тебя меньше шансов, чем у ледяного кубика в аду, – говорю я своему приятелю Каю. Он разглаживает сложенную бандану, которой повязывает свои длинные темные волосы, чтобы они не лезли в глаза, и не сводит взгляда с высокой брюнетки в углу. Хотя, надо сказать, он таращится на нее с того момента, как она переступила порог моего дома.

Впрочем, как и я сам.

– Смотри и учись. – Я делаю глоток пива, по-прежнему глядя на черноволосую ведьму, которая стоит в углу, болтая с одним из моих друзей.

Остальная компания разместилась в патио, несколько человек торчат в гостиной, но я опасаюсь выпускать эту цыпочку из поля зрения – ведь есть призрачный шанс, что кто-то из этих придурков решит подкатить к ней.

– Еще раз – как, ты сказал, ее зовут? – спрашиваю я.

– Миган, – отвечает Кай, подчеркивая звук «и». Лицо у него удрученное, но на самом деле я оказываю ему услугу. Кай хороший парень, но через слово вставляет в разговор «чувак» или «чувиха», а мозг у него слишком неразвитый, чтобы поддерживать нормальный диалог с кем бы то ни было, не говоря уж об этой цыпочке, которую он пытается скле-

ить.

По вечерам в пятницу вся компания собирается у меня, чтобы оттянуться и отдохнуть от суеты большого города – всю неделю мы буквально рвем задницы на британский флаг, только чтобы заработать на жизнь. Я сумел добиться чуть большего, чем практически все мои друзья, но тем не менее деньги все равно не растут на деревьях. Мы просто компания обычных парней, имена которых не красуются ни в списках VIP-персон, ни в документах на «Порше» и «Рейндж Роверы».

Я уверен, что Миган пришла сюда с Раджем и его девушкой, Налой, и мне кажется, что она – коллега Налы по работе, и я удостоверюсь в этом через две с половиной секунды.

Взяв из холодильника холодное пиво, я небрежным шагом направляюсь к ней и протягиваю ей бутылку. Взгляд темных глаз Мееган падает на меня, потом перебегает на пиво и снова на меня.

– Что это? – спрашивает она, подаваясь ко мне. В глазах ее прыгают искры, алые губы подрагивают.

– Именно то, чем оно выглядит.

Она берет у меня бутылку и скручивает крышку.

– Обычно я не пью пиво.

– Обычно я не делюсь своим пивом с посторонними женщинами.

Я бы предложил ей что-нибудь из вин Мелроуз, но все бутылки облеплены клейкими бумажками с надписями «ЗА-

РЕЗЕРВИРОВАНО», «ЯД» и «НЕ ТВОЕ».

– Полагаю, сегодня вечером мы оба намерены сделать исключение, верно? – спрашивает она, едва ли не раскачиваясь взад-вперед и выдавая игривую полуулыбку.

– Саттер, – представляюсь я.

– Миган. – Она делает маленький глоток пива, ни на секунду не сводя с меня взгляда.

– Ты пришла сюда с Раджем и Налой, верно?

– Верно. Мы с Налой работаем вместе. В прошлые выходные я притащила ее на вечеринку, а теперь оказываю ей ответную услугу, – говорит Миган. – Не то чтобы ей пришлось тащить меня сюда...

– Извини. По крайней мере, она могла бы привести тебя туда, где посторонние мужчины не будут бесстыдно заигрывать с тобой.

– Это сейчас и происходит? – спрашивает она.

– А что же еще? – Я подцепляю пальцами отклеившийся уголок этикетки на своей бутылке с пивом, но продолжаю смотреть на девушку.

Я говорю серьезно. Миган привлекательна – в смысле, интересна и не похожа на пластиковую куклу, она выглядит достаточно умной, чтобы поддерживать разговор. И конечно же она понимает, что, когда мужчина подходит к ней и предлагает выпивку, это все равно, как если бы он сказал: «Ты горячая штучка. Давай выпьем, а потом развлечемся в свое удовольствие». И если бы она не была настроена точно так

же, она не стояла бы здесь и не разговаривала бы со мной.

Входная дверь открывается, и я подаюсь вперед, чтобы бросить взгляд через гостиную в прихожую. Конечно же там стоит Мелроуз, обводя взглядом дом, полный посторонних людей. Но это сбивает ее с толку лишь на несколько секунд, после чего она направляется в кухню и берет из шкафчика бутылку вина, срывает с нее собственное «объявление», а потом достает из ящика стола штопор.

– Это красное «Москато»? – спрашивает Миган, указывая на бутылку. Она стоит так близко ко мне, что мы практически соприкасаемся плечами, но, похоже, теперь мне придется сражаться за ее внимание против бутылки вина. И что девушки находят в этих слабеньких десертных винах?

«Пьют всякое дерьмо, да еще и восхищаются».

– Да. Хочешь? – Мелроуз поворачивается к ней и приподнимает бровь.

– Было бы неплохо. – Миган ставит бутылку с пивом на стойку, отходит к кухонным шкафчикам и по очереди открывает их, пока не находит бокалы, о существовании которых я даже не подозревал. Должно быть, их привезла Мелроуз. – Это мило с твоей стороны. Спасибо.

Девушки разливают вино по бокалам и чокаются ими, прежде чем начать прихлебывать напиток мелкими глотками – осторожно, чтобы не размазать помаду.

– Тяжелый был день? – спрашиваю я у Мелроуз.

– Да. – Она выдыхает, прислоняется к стойке, легонько

постукивая розовыми наманикюренными ногтями по бокалу, который держит в другой руке.

– Тебе, вероятно, надо расслабиться и отдохнуть, – говорю я, указывая глазами в потолок – ее комната находится прямо над нами.

– А что я, по-твоему, прямо сейчас делаю? – спрашивает она, отпивая большой глоток. Ее синие глаза сверкают. Она точно знает, что она делает.

– А кем ты работаешь? – спрашивает Миган. Вот только спрашивает она не у меня... а у Мелроуз.

Мне это выносит мозг – какого черта Мелроуз интересуется ее больше, чем я? Если это и дальше продолжится в том же духе, мне скоро придется поднимать с пола свою челюсть.

– Я актриса, – отвечает Мелроуз со скромной улыбкой, как на заказ. Я гадаю, долго ли она репетировала эту улыбку.

– Вот мне и показалось, что ты выглядишь как-то знакомо! – Лицо Миган озаряется. – Я видела тебя в каком-то... я точно знаю, что видела.

Мелроуз перечисляет свои роли, и Миган кивает, подскакивая на месте.

– Да, да, вот эта роль! – восклицает она. – С ума сойти! Ты просто хоть и не слишком известная, но знаменитость. Можно с тобой сфотографироваться?

Я зажмуриваюсь, чтобы не закатить глаза, и изо всех сил сдерживаюсь, чтобы не замотать головой.

Все уважение, которое я питал к Миган... испарилось в

последние двадцать три секунды.

Исчезло.

Бесследно и мгновенно.

Она была такой интригующей со своей смуглой кожей, экзотическими чертами лица, красиво очерченными губами и намеком на чувство юмора.

У меня были определенные надежды.

А теперь эти надежды исчезли – и все из-за этой штучки по имени Мелроуз Клейборн.

– Кто-нибудь тебе говорил, что ты похожа на Дженнифер Лоуренс? – щебечет Миган. – Но ты намного красивее.

Мелроуз отмахивается от ее слов.

– А, перестань.

– Тебя никогда не волновало, что люди могут спутать тебя с ней? – Миган делает еще глоток вина и подается ближе к Мелроуз. Меня все равно что нет, словно я невидимка, подслушивающий самый дурацкий разговор на моей памяти.

Мелроуз качает головой.

– Я еще не настолько знаменита. Пока я играю мелкие роли. Мое имя мало кому известно. Но что, если я когда-нибудь прославлюсь? Меня не беспокоит, что меня могут перепутать с ней. Мне кажется, мы достаточно разные.

– Мне нравится, что ты такая скромная. – Миган склоняет голову, словно в знак уважения к Мелроуз. Словно хочет прямо сейчас подружиться с ней. – И ты такая талантливая, боже! Когда-нибудь ты станешь знаменитой, я это знаю. По-

смотри, у меня прямо мурашки по коже бегут!

Миган проводит кончиками пальцев по своему предплечью, словно в каком-то пафосном спектакле, и Мелроуз бросает на меня взгляд.

Что бы сейчас ни происходило, это просто неслыханно.

Девушки так не поступают.

Они дерутся, словно кошки, бросаются друг на друга, выпустив когти.

Они преследуют друг друга.

Они отпускают сомнительные комплименты.

Они не должны вот так становиться приятельницами.

– Ладно, хватит обо мне. А чем занимаешься ты? – спрашивает Мелроуз. Уголок ее губ приподнимается. Это не улыбка. Это усмешка. Она знает, что делает. Она знает, что я собирался подкатить к Миган, и теперь отбирает у меня ее внимание.

Должно быть, это месть за сорванное свидание с тем морщинистым хрычом. Да, отчасти я сделал это намеренно, поскольку это показалось мне идеальной частью моего замысла, но, если честно, я делал лишь то, что считал правильным. Мне плевать, кто что скажет, но седые, лысеющие мужики, разъезжающие на дорогих спорткарах и похожие на оплывших гоблинов, цепляют таких девушек, как Мелроуз, лишь потому, что у этих мужиков есть деньги. И такие девушки, как Мелроуз, нужны им только для одного – и мне плевать, что она скажет.

Это и вправду отвратительно.

Когда-нибудь она будет мне благодарна.

Когда-нибудь стадо актрисок станет, проливая слезы, рассказывать о том, как этот хрыч принуждал их к сексу, и тогда Мелроуз вспомнит этот вечер, вспомнит, как я спас ее от его сморщенного хрена и беззубого рта, и шепотом поблагодарит меня за это.

– Я бухгалтер в агентстве по подбору персонала, – отвечает Миган. – Ужасно скучная работа. Но я посещала кое-какие актерские курсы, чисто так, для себя. Ничего серьезного.

Ага, значит, вот к чему была вся эта лесть и восторги. Миган забрасывает удочку. Полагаю, в этом есть смысл.

Я зеваю.

– Вот как? – Мелроуз кивает в сторону гостиной. – Пойдем присядем?

Должно быть, я сделан из прозрачного целлофана, потому что ни одна из них даже не смотрит в мою сторону и не приглашает присоединиться к ним (не то чтобы я нуждался в приглашениях в собственном доме). Они словно и забыли, что я первым подошел к Миган.

Девушки уходят в соседнее помещение, усаживаются рядышком на диван и продолжают щебетать, как два восторженных воробушка.

Я провожу рукой по подбородку и оглядываюсь на Кая, который сидит возле стола в глубине кухни и что-то просмат-

ривает на телефоне.

– Значит, так это делается, чувак? – спрашивает он, хмыкая и качая головой.

– Заткнись.

– Хочешь льда, чувак, – приложить к своему эго? Мне кажется, она здорово тебя уделала, – продолжает Кай.

Я игнорирую его дурацкую реплику и выхожу из дома, чтобы глотнуть свежего воздуха и попытаться не думать о том, что Мелроуз снова переиграла меня.

Она переиграла меня, черт ее побери.

Глава 7

Мелроуз

– Хорошо выспался ночью? – Я чищу зубы в нашей общей ванной комнате, открыв дверь, и слышу в коридоре тяжелые шаркающие шаги.

Миг спустя в дверном проеме возникает Саттер – без рубашки, с волосами, уложенными муссом, – и опирается ладонью о косяк.

– Поверить не могу, что ты это сделала, – говорит он.

– То есть? – Я изображаю дурочку и, прищурившись, смотрю на его отражение в зеркале. – Я не совсем понимаю, о чем ты.

– О Миган, – поясняет он, протирая глаза. – Ты влезла между ней и мной.

– А-а-а, – тяну я. – Ты об этом...

Саттер прислоняется спиной к дверному косяку и складывает руки на груди. Лицо у него хмурое, на лбу складки, и я гадаю – может быть, он и спал с таким выражением лица?

Скорее всего.

– Хреново, когда ты строишь планы, а кто-то другой их срывает. – Я промокаю губы полотенцем и ставлю зубную щетку обратно в стаканчик. Протиснувшись мимо Саттера в коридор, я оборачиваюсь. – Я говорила тебе – не шути со

мной, Саттер.

– Я с тобой не шутил. Я спасал тебя от большой ошибки.
– Должно быть, ты реально держишь меня за дуру, – говорю я, закатывая глаза. – Но со мной это не прокатит. Ты сделал это не по доброте сердечной, поскольку я не уверена, есть ли у тебя вообще такое качество. Ты вовсе не спасал меня. Ты просто повел себя как полный урод, потому что тебе это, похоже, нравится.

Он смотрит на меня, не говоря ни слова. Не знаю, разозлила ли я его или же он просто переваривает мои слова и ничего не отвечает, потому что понимает, что я права.

В любом случае, мне на это совершенно наплевать.

Я разворачиваюсь и направляюсь в свою комнату, но в тот самый момент, когда я поворачиваю дверную ручку, Саттер откашливается.

– Ты действительно считаешь, что для того, чтобы сделать карьеру, нужно непременно сосать сморщенные члены? – спрашивает он. Повернувшись к нему, я отвечаю:

– Я окажу тебе услугу и сделаю вид, что ты этого не говорил.

Он пожимает плечами, словно это не имеет никакого значения.

– Правда глаза колет.

– Правда? – Я скептически усмехаюсь. – Правда состоит в том, что у меня было назначено свидание с женщиной, а ты прогнал его прочь, потому что... черт знает почему... пото-

му что ты сам, наверное, хочешь переспать со мной? И тебе завидно, что кто-то вдвое тебя старше более успешен, чем ты?

Он неспешно растягивает губы в улыбке.

Это красивая, идеальная, самоуверенная улыбка, которая мгновенно заставляет меня забыть о моей сильной неприязни к нему... лишь затем, чтобы почти сразу об этом вспомнить.

– Дело не в успешности, – отвечает он. – Дело в принципе и в ситуации. Ты действительно считаешь, что какой-то шестидесятилетний тип хочет встречаться с тобой ради чего-то, помимо секса? Ты действительно полагаешь, что у него благородные намерения? Или ты думаешь, что он просто хочет похвастаться перед своими друзьями юной красавицей? Молоденькой клевой старлеткой, которую он взял под крылышко, пока она ему не наскучит и он не начнет искать другую?

– Он – важный человек в киноиндустрии, – объясняю я. – У него весомая репутация, и при мне он никогда не позволял себе грубостей и неуважения.

Только сейчас до меня дошло, что Саттер назвал меня красавицей. Или он говорил в каком-то более общем смысле? Или он имел в виду, что считает именно меня красивой? Какое это имеет значение? И какое мне до этого дело?

Нет. Это совершенно не важно.

И мне это абсолютно безразлично... по крайней мере, должно быть безразлично.

Саттер неспешно аплодирует.

– Ну прямо весь из себя джентльмен, судя по твоим словам. Беру обратно все свои слова. Для таких людей, как он, совершенно нормально подцеплять таких девушек, как ты.

– В каком смысле – «таких девушек, как я»? – интересуюсь я.

– Мне действительно нужно это объяснять? – Он взмахивает рукой. Я киваю и молча жду, скрестив руки на груди.

– Ну, понимаешь, таких девушек... девушек, которые выглядят как ходячий секс.

– Ходячий секс? – переспрашиваю я. Меня много как называли, но только не так. – Что это вообще значит?

Он устремляет взгляд куда-то поверх моей головы, словно пытаюсь собраться с мыслями и найти правильные слова, дабы выбраться из тупика, куда сам себя загнал.

– Ты считаешь, что я сексуальна, – отвечаю я вместо него, поскольку он, похоже, в затруднении. Наши взгляды встречаются. – К несчастью для тебя, я предпочту морщинистый член тому, что можешь предложить мне ты.

Он сжимает зубы, потом скалит их в притворной усмешке, проводит рукой по подбородку и заявляет:

– Куколка, тебе ужасно повезло.

Я закатываю глаза.

– Будь любезен, не называй меня так.

Саттер кривит губы. Ему нравится подкалывать меня.

– Впрочем, я понимаю. Отказ – горькая пилюля, – про-

должаю я. – Но вот тебе маленькая крупица мудрости в утешение: тебе будет легче, если ты постарайся убедить себя, будто вообще этого не хотел. Можешь записать это где-нибудь.

Я оставляю его стоять в коридоре, а сама ухожу в свою комнату, запираю дверь и дергаю дверную ручку, чтобы проверить, не сломан ли и этот замок – а то с Саттера станется «случайно» ввалиться и сюда через три с половиной секунды.

Несколько секунд я прихожу в себя, обдумывая эту небольшую перепалку, а потом беру с комода телефон и дрожащими руками поспешно набираю сообщение Нику.

Я: Ты мне должен.

НИК:???

Я: Твой сосед.

НИК:???

НИК: Всё в порядке?

Я: Нет.

НИК: Мел... что случилось?

Я: Он назойливый. Наглый. Грубый. Невоспитанный. Хамло с предубеждениями. Оттачивает на мне свои шуточки, хотя я могу и ответить.

НИК: Саттер?

Я: Да! А кто же еще?!

НИК: Это на него совсем не похоже...

Ник не стал бы изображать дурачка, и я не хочу верить, что он поставил бы меня в такое положение, если бы знал,

как все обернется, но куда мне теперь деваться?

НИК: Хочешь, я поговорю с ним?

Выдохнув, я набираю ответ.

Я: Нет. Извини, мне просто нужно было проораться.
Я что-нибудь придумаю.

Я пообещала Нику, что сделаю это для него. Мне нужно найти способ справиться с этой задачей.

НИК: Он ничего тебе не сделал? Ничего не случилось???

Я: Нет.

Отложив телефон, я утыкаюсь лицом в ладони и размышляю, не слишком ли резко я на всё это реагирую? Может быть, у меня ПМС или я просто зла, потому что мне никогда не перезванивают после прослушиваний? Может быть, я сама виновата, что позволила втянуть себя в эту домашнюю войну? Не знаю.

НИК: Вам обоим просто нужно переждать этот период и познакомиться лучше? Еще и недели не прошло. Он очень хороший парень, Мел, даю слово. Не знаю, с чего вдруг так получилось. Дай ему еще шанс. Но если станет хуже, сообщи мне, ладно?

Я: <3

Я ставлю телефон на зарядку, потом переодеваюсь из пижамы в лосины и топ – надо выйти на пробежку и проветрить голову.

Может быть, попозже я спрошу у Аэрин, не хочет ли она встретиться со мной и что-нибудь выпить. Мне нужно осмыслить поведение Саттера и слова Ника. Не знаю, с какой планеты Ник свалился, но я назвала бы Саттера «очень хорошим парнем» в последнюю очередь.

Несносным наглецом? Да.

Кошмарным придурком? Да, черт побери.

Очень хорошим парнем? Нет.

Никогда и ни за что.

Глава 8

Саттер

Я пытаюсь смотреть новости спорта по каналу ESPN, когда слышу странный шум... что-то вроде металлического лязга и тонкого поскуливания.

Минуту спустя я вспоминаю, что у Мелроуз есть пес. Я редко вижу этого малыша. Похоже, она держит его взаперти наверху, словно не доверяет мне.

Кто знает?

Я прибавляю звук в телевизоре, поскольку уверен, что она вот-вот успокоит его, но проходит еще несколько минут. И еще несколько. А он продолжает скулить наверху, расходясь все сильнее.

Приглушив звук, я кричу:

– Мелроуз, твоя собака!..

Ответа нет.

Поднявшись, я иду вверх по лестнице и стучусь в ее дверь. Пес на полминуты прекращает беситься, а потом шум продолжается снова.

– Мелроуз? – Я снова стучу.

Должно быть, она ушла – видимо, в то время, когда я был в душе.

Будь всё в порядке, я не стал бы вламываться в ее комна-

ту, но, мне кажется, я должен проверить, что там с ее псом, потому что у него явно какие-то проблемы.

Проходя мимо комода, я замечаю на нем стопку желтых клейких листков и фиолетовую гелевую ручку. Коллекция флакончиков со всякой парфюмерией, стоящая перед зеркалом, объясняет, почему временами из этой комнаты по всему дому разносится ошеломляющий сладкий аромат. В центре комода аккуратно разложены палетки с тенями – в основном золотистых и серебристых оттенков. На спинке кресла, задвинутого в угол, висят платья – судя по виду, дорогие, – а вдоль стены рядом с гардеробом выстроились в ряд семь пар туфель на высоких каблуках. Или даже больше семи пар...

Видел бы Ник сейчас эту комнату!

Пес – коренастый маленький мопс – привстает на задние лапки и царапает дверцу вольера изнутри. Его миска с водой перевернута, шерсть на лапах мокрая.

Я открываю задвижку на дверце и выпускаю его, он бежит к двери и оборачивается, чтобы проверить, следуя ли я за ним. Потом он семенит вниз по лестнице и направляется к двери черного хода. Я не особо хорошо понимаю собак, но сейчас я совершенно уверен, что ему нужно отлить.

– Хочешь выйти? – спрашиваю я его.

Он подпрыгивает, тявкает и бежит кругами, выжидая, пока я отопру раздвижную дверь. Секунду спустя он пулей вылетает наружу и мчится через патио в поисках ближайшего дерева, возле которого сразу же задирает заднюю лапу.

Закончив с этим, он делает круг по двору, обнюхивая кусты и лежащие на земле веточки, а потом возвращается в дом.

Мне нужно отвести его в вольер, прежде чем Мелроуз вернется домой. Не хочу снова чувствовать себя в дураках. Одного раза в день более чем достаточно.

Мы с мопсом поднимаемся наверх, и он с некоторой неохотой возвращается в свой вольер.

Я запираю дверцу на засов и поворачиваюсь, чтобы уйти, но потом оглядываюсь на него:

– Ей лучше об этом не знать, хорошо?

Осознав, что я разговариваю с собакой, черт побери, я мотаю головой, выхожу из комнаты и запираю дверь.

Хватит с меня и одного доброго поступка в день.

Глава 9

Мелроуз

Набрав охапку грязных вещей, скопившихся за минувшую неделю, я добираюсь до маленького чулана возле кухни и складываю все кучей на пол, чтобы изучить стиральную машинку и сушилку.

Спустя минуту я загружаю стиралку, и, взглянув через круглое окошко сушилки, вижу, что в ней полным-полно белых вещей Саттера.

Не найдя поблизости корзины для чистого белья, я – за неимением выбора – отношу вещи на кухонный стол. Но какой-то голосок в глубине сознания начинает твердить мне, что нужно быть милосердной и не оставлять все это здесь неопрятным комком.

При ближайшем рассмотрении это оказывается партия белых футболок – похоже, в основном рабочих. За пять минут я аккуратно раскладываю их двумя ровными стопками.

После постоянных стычек на прошлой неделе я старательно избегала его все воскресенье, а когда сегодня утром я проснулась, он уже давно уехал на работу.

Мне кажется, что мы зашли уже слишком далеко. И эти взаимные подколы пора прекратить. Я имею в виду – никто из нас не захочет жить так ближайшие полгода. По крайней

мере, я точно не хочу. Он просто сумасшедший, если решит продолжать в том же духе. И, честно говоря, мне не особо нравится эта сторона моей личности. Проявление дурного характера и ничего более.

Поднявшись наверх, я беру ручку и клейкую бумажку, возвращаюсь к стопке футболок на столе и пишу на бумажке: «МИР?» – добавив к этому смайлик.

Как раз в тот момент, когда я прилепляю бумажку к столу, раздаётся стук в дверь. Мёрфи гавкает. Подойдя к входной двери, я вижу на крыльце знакомый силуэт моей лучшей подруги Аэрин.

– Я не знала, придёшь ты или нет, – говорю я, впуская ее в дом. – Подумала, что ты можешь продинамить.

Она снимает свои огромные солнечные очки и изображает, будто страшно оскорблена. Ведь она, самая надежная, пунктуальная и верная своему слову личность из всех, кто когда-либо жил на этом свете.

– Так это здесь Ник ютился целый год? – спрашивает она, осматриваясь по сторонам. Руки ее плотно прижаты к бокам, как будто она ожидает, что из воздуха сейчас посыплются клочья пыли и грязные трусы.

– Здесь чисто, – заверяю я. – Как ни странно, Саттер не неряха.

– Почему «как ни странно»?

Я пожимаю одним плечом.

– Не знаю. Я просто думала, что у того, кто живет в одном

доме с Ником, могут быть такие же привычки, как у Ника. Подобное притягивает подобное.

Аэрин снимает балетки с заостренным носком и аккуратно ставит их в уголке придверного коврика, потом проходит в гостиную и садится на диван. Я усаживаюсь в кресло, Мёрфи втискивается рядом со мной.

– Так что у вас с Саттером? – спрашивает она. – Отношения наладились?

В прошлый выходной мы с ней сидели в «Bleu Cerulean» в Брентвуде, и она, внимательно как обычно, выслушивала мои сердитые излияния под коктейль с водкой и лимоном.

– Мы не разговаривали все воскресенье, – говорю я. – То его не было дома, то я была занята.

– Неловкая ситуация.

– Не неловкая, – возражаю я. – Просто странная. Я только что разложила его постиранные вещи.

Она приоткрывает рот.

– Почему ты так сделала?

Я смеюсь.

– Потому что хочу проверить: вдруг, если я отнесусь к нему по-доброму, он так же отнесется ко мне? Не знаю, получится ли. Ну разве что он совсем чокнутый, а я совсем наивная.

Аэрин пожимает плечами, обдумывая мои слова.

– Ну, я полагаю, попытаться стоило, верно? Но что, если он и после этого продолжит козлить?

Отличный вопрос.

Я дергаю плечом и отвечаю:

– Понятия не имею.

– Ник перед тобой в долгу, – замечает она. – А ты слишком добрая.

Я устраиваюсь в кресле с ногами, подтянув колени к груди.

– Я сделала бы то же самое для тебя, если бы ты попросила.

– Я ни за что не попросила бы тебя помочь мне с арендой, и уж точно не попросила бы жить с моим невоспитанным соседом. – Аэрин закидывает ногу на ногу и склоняет голову набок. Я хмыкаю:

– Знаю, ты бы так не поступила.

Некоторое время Аэрин сидит тихо. Слишком тихо. Но ее глаза говорят без слов – точно она хочет мне что-то сказать, но не знает, как это выразить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.